

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-15>

УДК 82

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В МАЛОЙ ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА**Е.И. Хачикян (Калуга, Россия)****М.А. Конькова (Калуга, Россия)****Аннотация**

Постановка проблемы. Работа посвящена анализу малой прозы В.М. Шукшина и типологии героев, представленных автором в рассказах, написанных на протяжении всего творческого пути.

Все известные типологии так или иначе затрагивают большую часть персонажей, однако, основываясь на разных характеристиках, имеют и точки соприкосновения: *герой сельской жизни; герой городской жизни; герой-«я» как отдельный тип, не включаемый в первые названные.*

Цель исследования: представить типологию героев В.М. Шукшина на основании характерологических признаков персонажей.

Результаты исследования. Каждый из типов отличает не просто характер честного труженика, привязанность к рабочему месту, а специфика этого рабочего места: шофер, кузнец, председатель колхоза, принимающий непосредственное участие в жизни самого колхоза; работа, досуг.

Выводы. Обобщая персонажи в единую типологию, авторы учитывают различные факторы: феномен Шукшина в отечественной культуре, разнообразие подходов к изучению его творчества, возможность сравнить шукшинскую прозу с прозой других писателей.

Ключевые слова: *В.М. Шукшин, малая проза, шукшинские «чудики», персонаж, типология.*

Постановка проблемы. На протяжении последних десятилетий наибольшее внимание произведениям В.М. Шукшина уделялось преимущественно в работах алтайских исследователей, что неудивительно, ведь именно Алтай является родиной писателя. Тем не менее проблема выделения типов героев представляется достаточно актуальной, ибо критерии, на основании которых происходит типологизация, различны. В контексте названной проблемы назовем исследования по типологии персонажей в творчестве Шукшина С. Козловой [Козлова, 1992, с. 90–134], А. Андреева [Андреев, 2009, с. 6–20], А. Куляпина, Н. Ковтун [Ковтун, 2011, с. 132–154]. В нашей работе мы будем ориентироваться на следующие критерии.

Гендерное, социальное, возрастное разделение героев малой прозы

Сам В.М. Шукшин незадолго до смерти писал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту» [Заболоцкий, 1999, с. 12]. Основываясь на том, какие качества выделял сам Василий Макарович, разделять его персонажей на группы не представляется возможным: каждое из качеств, «возведенных в степень уважения»,

проявляется у большинства героев его рассказов и является не разграничивающим фактором, а наоборот, объединяющим.

1. *Гендерное разделение – герой-мужчина и герой-женщина.* Стоит обратить внимание: малой прозе Шукшина свойственен герой мужского пола, женщины оказываются на втором плане, однако имеют схожие признаки (внешность, характер и т.д.). Это составляет одно из существенных отличий прозы мастера от литературы «деревенщиков», где главное место обычно занимает женщина [Ковтун, Степанова, 2014, с. 7–14].

2. *Социальное разделение.* Возможно определить принадлежность героев к той или иной социальной группе: во-первых, самой многочисленной из них станет группа деревенских жителей со своими особенностями, во-вторых, менее заполненной станет группа городских жителей, в которую войдут в большинстве своем герои второго плана, в-третьих, герой может быть маргиналом и «обитать» одновременно в городе и в деревне, или, например, иметь деревенское происхождение, но жить в городской среде; вторая и третья подгруппы будут иметь подвижную границу между собой: персонаж «кочует» между ними, совмещая жизнь городскую с жизнью деревенской. Иначе говоря, поднимается вопрос взаимоотношений сельских жителей и городских – один из важнейших для современного традиционализма в целом [Ковтун, 2011, с. 280–311].

В. *Возрастное разделение.* Проблема «отцов и детей» в малой прозе Шукшина раскрывается через мотив различных ценностей поколений: мировоззрение молодых людей изменено под воздействием множества факторов – это и возможность перебраться ближе «к цивилизации», включающая в себя получение образования и работы, связанной не только с сельским хозяйством.

«Чудики» Шукшина

Отдельного пункта в типологии героев Шукшина заслуживает Василий Князев, или Чудик, из одноименного рассказа. Известно, что практически всех героев малой прозы зачастую собирают в одну большую группу «чудиков», получившую свое название по прозвищу героя; каждый из них чудаковат по-своему: кто-то угрюм, кто-то фантазер, кто-то талантливый мастер, но всех их можно объединить характеристикой «герой-чудик, герой с болящей душой». «Обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось, он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные» [Шукшин, 2010, с. 357].

Сколько душевной живости в Чудике: «В аэропорту [он] написал телеграмму жене: „Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша меня не забудь. Васятка”» [Шукшин, 2010, с. 361] – и как отрицает ее склонный к сокращениям, бюрократии и бесчувственности мир, ведь такое доброе и одухотворенное послание сокращается до «Долетели. Василий». Как пугает, как бередит душу Чудика жестокое отношение к нему: «Когда его ненавидели, ему было очень больно и страшно. Казалось: ну все теперь, зачем же жить?».

Чудик рефлексивует, недовольство, досада, разочарование – все у него направлено на самого себя: *«Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются...»* [Шукшин, 2010, с. 361].

Заслуживающий отдельного внимания факт: полное имя главного героя, а также некоторые вехи его биографии мы узнаем лишь в конце рассказа – Шукшин как бы выносит их «за скобки», уделяя внимания тем чертам, что присущи герою изначально, что играют важную роль в формировании его личности.

Цель исследования: представить типологию героев В.М. Шукшина на основании характерологических признаков персонажей.

Характерологическая типология

Основываясь на рассказах Василия Макаровича, выделим несколько групп литературных героев, руководствуясь собственными критериями, а также проанализируем характеры самих героев, их сходства и различия в рамках выделенных групп, включая речевые особенности персонажей.

1. Герой работающий / работающий.
2. Герой интеллигентный.
3. Герой творческий (актеры, писатели, певцы, художники).
4. Герой сентиментальный (чувствующий, ищущий, знающий).
5. Герой-«романтик».
6. Герой «своего времени».
7. Герой-«я».

1. Герой работающий

Для Шукшина одним из критериев человечности является трудолюбие, и действительно, от Чудика до Алеши Бесконвойного – все они или шоферы, или киномеханики, или просто «безотказные, старательные работники». Тем не менее возможно определить и частные случаи – тех героев, в которых подчеркнута Шукшиным преданность делу, работе, рабочему месту. Так, например, Михаил Беспалов (рассказ «Светлые души») – один из ярких представителей «героя работающего». Будучи постоянно в рейсах, своему делу – перевозке зерна из далеких глубинок – и своему «инструменту» – машине – он верен в большей степени, чем своей маленькой семье. Анна Беспалова – тот тип шукшинской женщины, который представляется собирательным образом; именно она характеризует неумность такой черты характера мужа, как трудолюбие: *«Ты ее не целуешь случайно? Ведь за мной в женихах так не ухаживал!», «ты шибко дурной до работы», «я ее подожгу когда-нибудь, твою машину»* [Шукшин, 2010, с. 21–23]. Нельзя сказать, что саму Анну отличает нежелание трудиться – в описании ее, встречающей мужа из очередного рейса, Шукшин подчеркивает: *«крутившая весь день тяжелую вейлку»* [Там же].

2. Герой интеллигентный

Зачастую Шукшин противопоставляет простому и сильному этой простотой герою интеллигенцию. В некоторых случаях создается эффект комичности, построенный на непонимании, возникающем между ними: пока ГР (герой работающий) весь свой потенциал направляет на физический труд, ГИ (герой интеллигентный) поглощен учебой; ГР – повседневная целеустремленность, ГИ – метаморфозы, размышления, часто – самоуверенность. Противостояние ГИ и ГР ярко показано в рассказе «Экзамен». Профессор Григорьев и студент-заочник сталкиваются с проблемой различного восприятия жизни: для первого важно, чтобы его студенты читали и понимали великие тексты – *«если хотите знать, меня интересует человек, русский человек, который не удосужился прочитать величайшее национальное произведение (речь идет о «Слове о полку Игореве»)»* [Шукшин, 2010, с. 46–49]; для второго ситуативно важнее работа. Солдат, побывавший на фронте, получающий высшее образование заочно, – все в его описании словно отсылает к совершенно иной точке зрения. Монолог Григорьева перед немногословным мужчиной, прошедшим через немецкий плен, через войну, поднятая сложная тема – *«говорить в плену было не о чем»* – есть процесс переосмысления героем-интеллигентом жизни героя работающего. Решение профессора поставить за незнание «плохо», заведомо негативное отношение студента (до разговора) к положительной оценке, подаренное «Слово о полку Игореве» – все это есть выход из конфликта, перспектива, в рамках которой персонажи могут понять друг друга.

3. Герой творческий

В малой прозе Шукшина воплощена целая плеяда творцов: это и артисты кружков художественной самодеятельности, и певцы, и циркачи, и актеры, и, конечно же, писатели. Можно с уверенностью сказать, что к данному типу (далее для краткости – ГТ) относится большая часть персонажей рассказов, включающая самого Шукшина. ГТ продолжает сочетать в себе качества, присущие ГР и отчасти ГИ. Артиста, принимающего участие в театральных постановках, ничто не отвлекает от работы шофером, кузнецом и т.д. Возможно здесь выделить и подтипы: ГТ-писатель (например, Иван Петин, «Раскас»), ГТ-мастер (Васека, «Стенька Разин»), ГТ-актер или ГТ-артист (Минька, «И разыгрались же кони в поле»; Бронька Пупков, «Миль пардон, мадам!»).

Самым распространенным типом творческого героя станет человек пишущий. Очевидно, что в каждого из своих прозаиков и поэтов Шукшин вкладывал черты, присущие в том числе и ему самому: увлеченность, эмоциональность, любовь к окрестному миру. Так, например, Иван Петин (рассказ «Раскас») мотивирован к написанию гневного послания уходом супруги: *«От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла! Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером!»* [Там же]. Прежде чем начать писать, обращаясь к ушедшей супруге, Петин мыслит коротко, емко, укладывая в несколько слов все эмоциональное потрясение: *«Вот она такая, большая-то беда»* [Шукшин, 2010, с. 351]. Для мужчины-труженика, замкнутого, молчаливого, наступает переломный момент, спровоци-

рованный фразой жены: «*Больше с таким пеньком не могу*». И Петин, угрюмый «пенек», вдруг нашел выход из своей большой беды в написании «раскаса».

Ни одному из мастеров не сравниться с Васеккой (рассказ «Стенька Разин»). Странный парень с трудным характером, с огромным послужным списком: пасть, плотник, прицепщик, кочегар, молотобоец, с нелюбовью к каждой из работ: «потому что я талантливый» и «души нету в работе». Но Васека мастерит деревянные куклы: смолокур, почти как живой, артистка, раненый солдат:

«– *А где работа твоя сделанная?*

– *Я ее никому, конечно, не показываю.*

– *Почему?*

– *Они не понимают*» [Шукшин, 2010, с. 35].

Не понимают, но:

«– *Смеются над тобой люди.*

– *На самом деле, они меня любят. И я их тоже люблю*» [Там же, с. 37].

Сложна судьба шукшинских артистов и актеров. В большинстве своем герои – молодые люди, новое поколение, городское, вступающее в конфликт с поколением пожилых людей: из-за интересов, мировоззрения, взглядов на профессию и т.д. Минька (рассказ «И разыгрались же кони в поле») – студент, учащийся на артиста, целеустремленный и вдохновленный: «*прочитаю за лето двадцать книг по искусству, измордую классиков, напишу для себя пьесу из колхозной жизни – вот тогда поглядим*» [Шукшин, 2010, с. 196]. Вновь сталкиваются «отцы и дети»: отец Кондрат Лютаев – председатель колхоза в степном Алтае, некогда с сыном поругавшийся – тот по окончании десятилетки решил поступать в актерское. Визит отца к сыну в городе только и положил конец ссоре: «*Минька радовался, что отец открыто пошел на мировую, может, кто ему втолковал на курорте, что не все артисты – алкоголики, и что не пустое это дело, как он думал*» [Шукшин, 2010, с. 198].

Интересны образы актеров! Бронька Пупков – «крепкий, ладно скроенный» мужчина за пятьдесят без двух пальцев на одной руке. Словарный запас Броньки так же богат, как и его фантазия: иногда начинает казаться, что слова для его роли писал специально приглашенный автор, нарочно перемешивая многозначительные сравнения с просторечиями: «*Партия и правительство поручают вам, товарищ Пупков, очень ответственное задание. Сюда, на передовую, приехал инкогнито Гитлер. У нас есть шанс хлопнуть его...*» [Шукшин, 2010, с. 368]. Театральные паузы, накал страстей, нетерпение слушателей – Бронька Пупков знает толк в игре, но «обычно в деревне узнают, что Бронька опять рассказывал про „покушение“», а жена его ругается, на что герой отзывается своей фирменной фразой: «*Миль пардон, мадам, счас ведь врежу!*» [Шукшин, 2010, с. 370].

4. Герой сентиментальный

Сложно определить размах чувств шукшинского героя для последующей типизации: будь это артист-циркач, угрюмый внешне писатель, творец-трудяга с неуспокоенной душой – каждый из них чувствует, переживает, испытывает тоску, трагедию, радость, тревогу и т.д. Максим Волокитин (рассказ «Змеинный яд») –

городской студент родом из сельской местности (как и большинство героев Шукшина), живущий в общежитии далеко от своей семьи; получив однажды телеграмму из дому о необходимости лекарства для матери, проникается состраданием и решает: *«весь город переверну – добуду»*. Примечательна не столько целеустремленность Максима, сколько то, как и с какими эмоциями он достигает цели: это и растерянность, и агрессивная, и яростная настойчивость, и гнев (*«А мне надо! Я не уйду отсюда, понял? Я вас всех ненавижу, гадов!»*), и конечное облегчение, простое и сильное (*«Максим смотрел в пол и чувствовал, что плачет»*, *«он любил сейчас заведующего, как никого никогда, наверно, не любил»*). Слезы, пролитые героями-мужчинами в рассказах Шукшина, всегда сопутствуют какому-то серьезному событию, перевернувшему привычный порядок бытия.

5. Герой-«романтик»

Определение не зря взято в кавычки: резюмируя все вышенаписанное, всю совокупность черт характеров разных типов литературных героев в рассказах Шукшина, можно представить единый образ мужского героя, который, несмотря на умение любить, тонко чувствовать не достигает успехов в любви. Самые яркие представители в этом ряду: Гринька Малюгин, Степан (рассказ «Степкина любовь»), которые представлены увлеченными городскими девушками и выглядят слишком наивными для них. Шукшин вновь решает проблему столкновения города и деревни.

6. Герой «своего времени»

Иначе этот тип героя можно назвать «героем прошлого»: к нему мы отнесем людей пожилых, не вписывающихся в настоящее. Они как бы противостоят новому, продолжая существовать в старом мире, однако при этом не теряют полностью связи со следующими поколениями. Дедушка (рассказ «Солнце, старик и девушка») – безмянный восьмидесятилетний старик. Жил очень тихо, *«не гремел ложкой»*, дома, у сына и невестки, *«молчали – а о чем говорить, все слова давно сказаны»*, сыновья его погибли на войне, внуков разбросала жизнь по разным городам – и вся долгая и сложная жизнь прошедшего войну человека отразилась в *«странном спокойствии и умиротворенности»* его внешнего облика.

Еще один герой этого типа – дед Тимофей (рассказ «Критики») – сухой, нервный, страдающий глухотой, семидесятитрехлетний мужчина. Современное его не страшит, как Маланью, например, путешествие на самолете из их глубинки в столицу. Вместе с внуком Петькой любит он ходить в кино, не жалея пенсии; но комментарии в кинотеатрах, непонимание или нежелание принять увиденное в фильмах выдают в нем привязанность к прошлой жизни: *«Когда любят, то стыдятся, а этот трезвонит ходит по всей деревне»* – о герое фильма о любви [Шукшин, 2010, с. 182].

7. Герой-«я»

Повествование от первого лица – достаточно редкий случай для малой прозы Шукшина, выделим здесь рассказы, где четко определится герой-«я», заметим: повествование в выделенных рассказах ведется или от лица самого писателя, или

от «я»-персонажа. В последнем случае речь идет о рассказе «Из детских лет Ивана Попова», созданном как набор зарисовок-воспоминаний, составляющих своеобразную «автобиографию»: «Первое знакомство с городом», «Бык», самая известная – «Гоголь и Райка».

В рассказах «Воскресная тоска» и «Три грации» (пометка: «рассказ-шутка») дается две стороны одного человека: творца-писателя и обывателя, мирно и с юмором переживающего выходной день. Шукшин облакает в слова и муки творчества: *«Моя кровать – в углу, его – напротив, между нами – стол, на столе – рукопись, толстая и глупая, моя рукопись роман (...) такая тягомотина, что уши вянут»*; *«теперь лежу и думаю: на каком основании человек вообще садится писать? Я, например. Меня же никто не просит...»* [Шукшин, 2010, с. 98].

Общая типология героев малой прозы Шукшина

Все вышеперечисленные типологии так или иначе затрагивают большую часть персонажей Василия Макаровича, однако, основываясь на разных характеристиках, имеют и точки соприкосновения. Более того, имеет право на существование также типология, основанная на речевых особенностях персонажей (обилие или отсутствие просторечий, наполненность лексикона, нарочитое искажение звуков и др.). Обобщим названные типологии и выведем одну, которая будет содержать основные принципы.

1. Герой сельской жизни.
 2. Герой городской жизни.
 3. Герой-«я» как отдельный тип, не включаемый в две первых категории.
- Обозначим характеристики, являющиеся фундаментом для каждого типа.

1. Герой сельской жизни

Во-первых, героя сельской жизни (ГСЖ) выделяет не просто характер честного труженика, привязанность к рабочему месту, а специфика этого рабочего места: шофер, кузнец, председатель колхоза, принимающий непосредственное участие в жизни самого колхоза; и работа, и досуг (вроде охоты и «актерствования» перед охотниками у Броньки Пупкова) – все у ГСЖ строится вокруг родного села. Для описания героев типа ГСЖ прекрасно подойдет цитата одного из шукшинских второстепенных (или даже третьестепенных) персонажей, упомянутых ранее, – «настоящего, талантливое» художника из рассказа «Солнце, старик и девушка»: *«Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают...»*.

Примеры героев:

- Алеша Бесконвойный;
- бабка Маланья;
- Бронислав (Бронька) Пупков;
- Федор Грай;
- дед Тимофей;
- Кондрат Лютаев;
- Иван Петин.

2. Герой городской жизни

Для завершения отделения героя сельской жизни (ГСЖ) от героя городской жизни (ГГЖ) оттолкнемся от того же набора характеристик, что были упомянуты в предыдущем пункте. Карьера ГГЖ строится уже за пределами села, однако во множестве случаев Шукшин упоминает сельские «корни» героев [Ковтун, 2012, с. 74–94].

Примеры ГГЖ:

- Николай Воловик;
- профессор Григорьев;
- Леля Селезнева;
- девушка-художница;
- Минька Лютаев.

3. Герой-«я»

Обратимся к рассказам «Воскресная тоска», «Три грации», «Кляуза»: все они так или иначе автобиографичны. Например, герой-«я» в «Воскресной тоске» – писатель, мучимый и нелюбовью к собственному роману, и невозможностью перестать писать: *«А что я такое знаю, чего не знают другие, и что дает мне право рассказывать? Я знаю, как бывает в степи ранним летним утром...»* (о своем сельском происхождении, о Сростках и т.д.) [Шукшин, 2010, с. 98–100]. Рассказ «Кляуза» и вовсе имеет подзаголовок: «Опыт документального рассказа»: *«Хочу попробовать написать рассказ, ничего не выдумывая. Последнее время мне нравятся такие рассказы – невыдуманные...»*. Цитата от лица В. Белова (из «приложенного» к рассказу документа): *«В.М. Шукшин, которому сообщили о нашем приходе другие больные, спустился с этажа и спросил дежурную, почему она не разрешает свидание, хотя у нас выписан пропуск. Она ответила грубым криком и оскорблением. Она не разрешила нам даже поговорить с В.М. Шукшиным и выгнала из вестибюля. На вопрос, каковы ее имя и фамилия, она не ответила и демагогически заявила, что мы пьяны...»* [Шукшин, 2010, с. 103–105].

В завершение добавим: не стоит исключать возможность принадлежности одного героя к нескольким типам. Универсальным будет тип «чудика», который и используется большинством исследователей, когда речь заходит о малой прозе В.М. Шукшина.

Выводы. Типологии, предложенные в данной работе, сложно назвать универсальными: они строятся на разных принципах, с использованием разных характеристик героев, они обращаются к разным точкам зрения и отличаются друг от друга многим – и глубиной исследования, и вниманием к деталям. Обобщая их в единую типологию, мы должны учитывать разные факторы: это и феномен Шукшина в отечественной культуре, и разнообразие подходов к изучению его творчества, и возможность сравнить шукшинскую прозу с другими рассказами и повестями – для сопоставительного анализа типов и типологий.

Библиографический список

1. Андреев А.Н. «Чудики» В.М. Шукшина: архетипы типажей // Творчество В.М. Шукшина в междисциплинарном культурном пространстве: материалы VIII Всероссийской научной конференции (с междунар. участием). Барнаул: Изд-во Азбука, 2009.
2. Бодрова Л.Т. Малая проза В.М. Шукшина в контексте современности. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. пед. ун-та, 2011.
3. Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: АСТ, 2003.
4. Голев Н.Д. О внутренней форме художественного текста (на материале рассказов В.М. Шукшина) // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество: тезисы докладов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 1997.
5. Заболоцкий А. Шукшин в жизни и на экране. Записки кинооператора // Роман-газета. 1999. № 10.
6. Ковтун Н.В. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учеба. 2011. № 1. С. 132–154.
7. Ковтун Н.В. «Идиллический человек» на перекрестках истории // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв.: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2011.
8. Ковтун Н.В. Образ городской цивилизации в поздних рассказах В.М. Шукшина: миметический и семантический аспекты // Вестник Томского государственного ун-та. 2012. № 1 (17). С. 74–94.
9. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 7–14.
10. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
11. Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 1992.
12. Кукуева Г.В. Рассказы Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул, 2005.
13. Левашова О.Г. К проблеме типологии творчества Ф.Д. Достоевского и В.М. Шукшина // Провинциальная экзистенция: тезисы докладов V Всероссийской научной конференции / отв. ред. Н.В. Халина. Барнаул, 1999. С. 142–145.
14. Левашова О.Г. Мотив «игры» и метафоры «жизнь-театр» в рассказах В.М. Шукшина // Шукшин В.М. Жизнь и творчество: межвуз. сб. ст. Барнаул, 1992. Вып. 2. С. 90–92.
15. Шукшин В.М. Рассказы. М.: АСТ: Зебра Е, 2010.

Сведения об авторах

Хачикян Елена Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского; e-mail: helena64@bk.ru

Конькова Мария Александровна – магистрант филологического факультета, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского; e-mail: J.Constance@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-15>

TPOLOGY OF SHUKSHIN'S CHARACTERS (BASED ON SMALL PROSE)

E.I. Khachikyan (Kaluga, Russia)

M.A. Konkova (Kaluga, Russia)

Abstract

This work is devoted to the analysis of the small prose of V.M. Shukshin and classification according to different types of the characters presented by the author in his novels.

All known typologies one way or another affect most characters, however, based on different characteristics, have common ground: character of rural life; the character of urban life; the character»I» as a separate type, not included in the first named.

Each of the types is distinguished not just by the character of an honest worker, attachment to the workplace, but by the specifics of this workplace: a driver, a blacksmith, the Chairman of the collective farm, taking a direct part in the life of the collective farm; work, leisure.

Summarizing the characters into a single typology, the authors take into account various factors: the phenomenon of Shukshin in Russian culture, a variety of approaches to the study of his work, the ability to compare Shukshin's prose with the prose of other writers.

Keywords: *V.M. Shukshin, small prose, novels, character, typology.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Andreyev A.N. «Chudiki» V.M. Shushina: arkhetipy tipazhey // Tvorchestvo V.M. Shukshina v mezhdistsiplinarnom kul'turnom prostranstve: materialy VIII Vseros. nauch. konf. (s mezhdunar. uchastiyem). Barnaul: Izd-vo Azbuka, 2009.
2. Bodrova L.T. Malaya proza V.M. Shukshina v kontekste sovremennosti. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabin. gos. ped. un-ta, 2011.
3. Borev Yu.B. Estetika. Teoriya literatury. Entsiklopedicheskiy slovar' terminov. M.: ACT, 2003.
4. Golev N.D. O vnutrenney forme khudozhestvennogo teksta (na materiale rasskazov V.M. Shukshina) // V.M. Shukshin. Zhizn' i tvorchestvo. Tezisy dokladov Chetvortoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Barnaul, 1997.
5. Zabolotskiy A. Shukshin v zhizni i na ekrane. Zapiski kinooperatora // Roman-gazeta. 1999. № 10.
6. Kovtun N.V. Bogobortsy, fantazery i trikstery v pozdnikh rasskazakh V.M. Shukshina // Literaturnaya ucheba. 2011. № 1. P. 132–154.
7. Kovtun N.V. «Idillicheskiy chelovek» na perekrestkah istorii // Russkiy proekt ispravleniya mira i hudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XXI vv.: monografiya / Otv. red. N.V. Kovtun. M.: Flinta: Nauka, 2011.
8. Kovtun N.V. Obraz gorodskoy tsivilizatsii v pozdnikh rasskazakh V.M. Shukshina: mimeticheskiy i semanticheskiy aspekty // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. 2012. № 1 (17).
9. Kovtun N.V., Stepanova V.A. Problema gendernoy identifikatsii muzhskikh obrazov v tvorchestve V. Rasputina // Filologicheskiy klass. 2014. № 2 (36). P. 7–14.
10. Kovtun N.V. Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, mifopoetika, konteksty: ucheb. posobiye. M.: FLINTA: Nauka, 2017.
11. Kozlova S.M. Poetika rasskazov V.M. Shukshina. Barnaul: Izd-vo AGU, 1992.

12. Kukuyeva G.V. Rasskazy Shukshina: lingvotipologicheskoye issledovaniye. Barnaul, 2005.
13. Levashova O.G. K probleme tipologii tvorchestva F.D. Dostoyevskogo i V.M. Shukshina // Provintsial'naya ekzstentsiya: tezisy dokladov V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii / otv. red. N.V. Khalina. Barnaul, 1999. P. 142–145.
14. Levashova O.G. Motiv «igry» i metafory «zhizn'-teatr» v rasskazakh V.M. Shukshina // Shukshin V.M. Zhizn' i tvorchestvo: mezhvuz. sb. st. Barnaul, 1992. Vyp. 2. P. 90–92.
15. Shukshin V.M. Rasskazy. M.: AST: Zebra Ye, 2010.

About the authors

Elena Ivanovna Khachikyan – Dr. of Pedagogic Sciences, Professor, Head of the Literature Department, Tsiolkovsky Kaluga State University; e-mail: helena64@bk.ru

Maria Aleksandrovna Konkova – Bachelor of Pedagogical Science, Masters Student of Philological department, Tsiolkovsky Kaluga State University; e-mail: J.Constance@yandex.ru